

Глава 33. Лotosовый пруд

Наследный принц вернулся на несколько дней раньше принцессы-консорты Жуй. Он привёз из земель Ци некоего Совершенного мужа Юйсюаня — даоса, который держался загадочно и говорил туманно, но сумел произвести на императора Цзяньюаня сильное впечатление. Его Величество даже оставил его при дворе.

Жун Цунцзинь кивнул, и на его лице отразилось лёгкое облегчение. Он повернулся к Принцессе-консорт наследного принца и произнёс:

— В моё отсутствие в Ванцзине, я слышал, вы много заботились о Его Высочестве. Примите мою глубокую благодарность.

С этими словами он поклонился.

Искренне поклонился. Би Тао, при всей её заботе, была всего лишь служанкой. Если бы не покровительство такой знатной и влиятельной особы, как Принцесса-консорт наследного принца, Гу Чжао, даже будучи князем, не избежал бы козней мелких придворных. Снова нашёлся бы какой-нибудь Сяо Сицзы.

А Гу Чжао, с его добрым нравом, обидевшись на мгновение, тут же бы всё простил и снова улыбался, заставляя лишь его, Жун Цунцзиня, понапрасну гневаться.

— Мы же родственники, к чему эти церемонии, — Принцесса-консорт наследного принца поспешила поднять его. Не успела она и слова сказать, как императрица с тёплым, немного укоризненным видом вмешалась.

Поначалу она сомневалась, стоит ли женить Гу Чжао на шуане. Но раз уж он сам того хотел, она не стала противиться. Во дворце и так было мало радостей, и она, как мать, хотела, чтобы её сын был счастлив. После свадьбы Жун Цунцзинь проявил себя как нельзя лучше: вёл дела строго, был вежлив, всё в их доме устроил ладно и надёжно. Холодноват, конечно, но это не порок.

Императрица была довольна принцессой-консортом Жуй как минимум на восемь из десяти. А то, что он смог помочь наследному принцу, стало для неё приятной неожиданностью. Добродетель и кротость — требования к принцессе-консорт. Но советник и верный соратник, обладающий талантом, проницательностью, преданностью и надёжностью, — это гораздо важнее. Резиденцию Жуй могли обихаживать и слуги, а вот служба наследному принцу была превыше всего.

Улыбка императрицы стала ещё теплее. Она долго расспрашивала принцессу-консорты о его самочувствии. Жун Цунцзинь, сидя внизу, учтиво отвечал. Разговор нельзя было назвать оживлённым, но атмосфера была мирной. Гу Чжао тем временем нацелкал целую тарелку орехов и пододвинул лучшие к Жун Цунцзиню. Он видел, что тот, хоть и отвечает на вопросы

императрицы и принцессы-консорта, нет-нет да и опускает взгляд, в глазах его на мгновение мелькает пустота, и он с усилием заставляет себя снова обрести ясность.

— Матушка, Цунцзинь устал, он хочет спать, — внезапно вмешался Гу Чжао, прервав расспросы императрицы.

Жун Цунцзинь смущённо толкнул его в бок.

— Ваше Высочество...

Но Гу Чжао проявил несвойственную ему властность и, вскинув бровь, отрезал:

— Ешь орехи.

Жун Цунцзиню ничего не оставалось, как, извинившись улыбкой перед Принцессой-консорт наследного принца, подчиниться. Та машинально улыбнулась в ответ, но, когда её взгляд скользнул по его шее, улыбка застыла.

На длинной, белой, изящно изогнутой шее алел след от укуса, который на фоне прозрачной, словно фарфор, кожи создавал атмосферу интимной нежности.

Жун Цунцзинь незаметно провёл большим пальцем по вороту, и светлый шёлк скрыл персиковый след.

Императрица не стала их задерживать. С улыбкой пожурив Гу Чжао, она велела им идти отдыхать. День ещё только начинался, и не было нужды спешить покинуть дворец до закрытия ворот. Можно было отдохнуть во дворце Юннин.

Гу Чжао ориентировался во дворце как у себя дома. Не нуждаясь в провожатых, он взял свою принцессу-консорта за руку и весело повёл его короткими тропинками во дворец Юннин.

— Помнишь эту камелию? — Гу Чжао нежно сжимал его руку, ни на миг не желая отпустить. Он специально сделал крюк, чтобы зайти в императорский сад и показать на тонкий стебелёк в клумбе.

Лето было в самом разгаре, сад утопал в зелени, но камелии уже отцвели. Жун Цунцзинь видел лишь два тёмно-зелёных листа и не мог угадать цвет цветка. Зато рядом всё ещё цвела калина.

Жун Цунцзинь вдруг вспомнил её тонкий аромат, похожий на запах самого Гу Чжао — под нотами элегантного белого сандала скрывалась лёгкая сладость. Как и он сам, под маской простодушия он таил чистое, искреннее сердце. Нужно было прислушаться, чтобы уловить эту сладость.

— Помню, — Жун Цунцинь рассмеялся, его голос потеплел. Он кивнул на заметную проплешину в клумбе. — А это откуда?

Гу Чжао, бросив взгляд в сторону, покраснел.

— ...Иногда, когда я скучал по тебе, я сидел здесь.

Смотрел, как плывут по небу облака, как качаются на ветру ветви, и в шелесте листьев ему слышался тихий голос его принцессы-консорта: «Я никогда тебя не предам».

Даже самые прекрасные пейзажи, описанные в книгах, не могли передать и тысячной доли его радости.

Он сидел в этих зарослях, и сердце его успокаивалось. Время летело незаметно. Скоро садилось солнце, и он радовался: каждый закат приближал его встречу с принцессой-консортом ещё на один день.

Единственной неприятностью были садовники, приходившие подрезать кусты. Однажды они, обрезаю ветви, наткнулись на него и в ужасе пали ниц. Би Тао, сбившаяся с ног в поисках его, наконец нашла его и поспешила выпроводить... После этого сидеть в кустах удавалось всё реже. Би Тао раскрыла его тайное убежище и, стоило ему улизнуть, тут же находила его в саду и тащила обратно в резиденцию переодеваться.

И хотя сидел он недолго, но капля камень точит. Через месяц в кустах образовалась дыра, а на земле за ними — отпечаток его зада.

Улыбка Жун Цунциня стала ещё шире. Он и не думал, что грязь и опавшие листья станут свидетелями их судьбы. Гу Чжао, из-за своего простодушия, часто совершал нелепые, но в то же время глубоко трогательные поступки, и было непонятно, где искренность, а где — лишь следствие его наивности.

Но он-то знал: Гу Чжао всё понимает. Просто ему не хватало самоконтроля, он делал то, что хотел, не оглядываясь на правила и приличия, не заботясь о мнении окружающих.

— Ваше Высочество, закройте глаза, — тихо попросил Жун Цунцинь.

Гу Чжао, как послушный муж, тут же зажмурился. Но руку его не отпустил. Ладони вспотели, но он боялся, что стоит моргнуть — и его принцесса-консорт снова исчезнет.

Солнце опустилось ниже, и его золотистые лучи озарили молодое, красивое, как звезда, лицо. Густые ресницы отбрасывали на щёки тень, тонкую, как фарфор. Стройная, прямая фигура напоминала несокрушимую сосну. Всего за несколько месяцев прекрасный юноша превратился в сияющего, как луна, красивого господина.

Возможно, благодаря заботе в княжеской резиденции, Гу Чжао стал выше, чем в прошлой жизни, а плечи — шире. Он был подобен стройному бамбуку в горах, чистому ручью в лесу. Щёки Жун Цунцзиня залились лёгким румянцем. Он приподнялся на цыпочки и поцеловал Гу Чжао в губы. Их губы соприкоснулись, и в этом прикосновении, казалось, была вся сладость цветочного сока.

Гу Чжао на миг замер, а потом инстинктивно прижал его к себе, углубляя поцелуй.

Время текло, растворяясь в золотом свете. Пели птицы. Нежный ветерок сорвал несколько розовых лепестков гибискуса и опустил им на плечи. Казалось, они вернулись в тот далёкий полдень, в самое прекрасное время.

— Пойдём, я отведу тебя во дворец Юннин, — Гу Чжао, хоть и не был знатоком этикета, всё же заботился о репутации своей принцессы-консорта. Он с усилием отстранился и, не в силах скрыть своего желания, провёл большим пальцем по его губам, ставшим от поцелуя алыми и влажными. Он надавил чуть сильнее, любуясь тем, как поддаются его нажиму нежные губы, и почувствовал странное волнение. Этот вид завораживал его.

— Угу, — тихо ответил Жун Цунцзинь.

Гу Чжао сказал, что ему нужно поспать, и не имел в виду ничего другого. Он позвал служанку, оставшуюся во дворце Юннин, велел принести для принцессы-консорта лёгкое и мягкое парчовое одеяло, сменить матрас на шёлковый и зажёлг в комнате успокаивающие благовония. Потом лёг рядом, не раздеваясь.

— Ваше Высочество, побудьте со мной, — Жун Цунцзинь, лёжа на удобной подушке из проса, вдыхая аромат благовоний, почувствовал, как усталость овладевает им. Он повернулся на бок и положил руку на грудь Гу Чжао.

— Я никуда не уйду, — даже если бы его сейчас били, Гу Чжао не сдвинулся бы с места. Он повернулся к своей принцессе-консортке и, долго глядя на него, тихо произнёс: — Цунцзинь...

— М-м? — сонно отозвался тот.

— У тебя круги под глазами почти до подбородка, — прошептал Гу Чжао так нежно, словно признавался в любви.

Жун Цунцзинь с усилием приоткрыл глаза и бросил на него сердитый взгляд, но, не в силах сопротивляться сну, погрузился в забытьё, лишь крепче вцепившись пальцами в его одежду.

Гу Чжао медленно гладил его по спине. Он вдыхал аромат успокаивающих благовоний, но сна не было ни в одном глазу. В тёплом свете, проникавшем сквозь лёгкий полог, он рассматривал свою принцессу-консортку, обводя взглядом черты его лица. Тот похудел, кожа оставалась

белой, но под глазами залегли тёмные тени. Усталость не портила его красоты, а лишь добавляла трогательной хрупкости, вызывая желание защищать и оберегать.

Будь на его месте какой-нибудь ценитель красоты, он бы не удержался и заключил это прекрасное создание в объятия, чтобы утешить.

Но Гу Чжао лишь нахмурился. Ему это не нравилось.

Он предпочитал видеть свою принцессу-консорта здоровым и полным сил. Пусть даже он его ругает — неважно, всё, что скажет его принцесса-консорт, он будет слушать.

Принцам, у которых уже были свои резиденции за пределами дворца, не полагалось ночевать в нём. Но император Цзяньюань знал об особенностях Гу Чжао, и императрица, позаботившись, отправила слугу за разрешением. Его Величество позволил князю Жуй и принцессе-консарту остаться на ночь.

Жун Цунцзинь проспал целый день и проснулся лишь на следующее утро.

— Принцесса-консорт, — позвала из-за ширмы незнакомая служанка.

— Входи, — Жун Цунцзинь сел на кровати, ещё не совсем придя в себя. Служанка поднесла медный таз для умывания.

— Где Его Высочество? — спросил он, вставая, умываясь и накидывая халат.

— Шестой принц у лotosового пруда, — служанка, опустив глаза, помогла ему одеться.

Жун Цунцзинь отослал её и, самостоятельно завязав пояс, вышел.

Дворец Юннин имел форму буквы «П». Восточный и западный флигели назывались Цинлуань и Цзиньюнь. Поскольку достойная наложница Сянь была в фаворе, император Цзяньюань переименовал дворец Хойцао в дворец Цинлуань. Цинлуань — одна из священных птиц, уступающая лишь фениксу.

Слуги во дворце Юннин не смели больше называть флигели именами, данными ещё при императоре Тай-цзуне. Гу Чжао просто переименовал их в павильон Чунмин. Из главного зала можно было выйти к резным перилам у воды. Гу Чжао сидел на углу галереи, соединявшей главный зал с павильоном Чунмин, и смотрел на лotosовый пруд.

— Ваше Высочество, почему вы здесь сидите? — Жун Цунцзинь поспешил к нему. Гу Чжао похлопал по месту рядом с собой.

— Иди сюда.

Жун Цунцзинь посмотрел на пыльные ступени и не захотел садиться. Но потом вспомнил грязную землю в императорском саду и усмехнулся. Он сидел на влажной земле, что ему какая-то пыль?

После свадьбы с Гу Чжао его чистоплотность заметно поубавилась.

Жун Цунцзинь сел рядом, и они вместе стали любоваться лотосами. Под великолепным небом вода мерцала, пруд был полон цветов. Солнце играло на жёлтых тычинках, скользило по нежно-розовым лепесткам. Ветерок доносил тонкий, пьянящий аромат. Гу Чжао, подперев щеку рукой, тихо сказал:

— Я так ждал, когда зацветут лотосы.

— Но когда они расцвели во всей своей красе, я стал бояться, что они скоро увянут. И хотел, чтобы они цвели медленнее. Не для чего-то, а просто чтобы ты их увидел. — Сначала это была тоска, потом — тревога. Всё стало неважно, лишь бы его принцесса-консорт благополучно вернулся, и они могли вот так сидеть рядом. Этого было достаточно.

Жун Цунцзинь не знал, что ответить. В глазах защипало. Он склонил голову на плечо Гу Чжао и тихо прошептал:

— Я увидел.

Гу Чжао повернулся и нежно поцеловал его в щеку.

Жун Цунцзинь взял его за руку.

— Ваше Высочество... я вам обещал.

— Принцесса-консорт не должен ничего говорить. Я не воспользуюсь его положением, — с важным видом заявил Гу Чжао, но в глазах его мелькнул огонёк.

— ...Это я хочу быть с вами ближе, — Жун Цунцзинь, как он мог не понять мыслей Гу Чжао, со вздохом и с готовностью уступил.

Эта нехитрая уловка Гу Чжао каждый раз заставляла его сдаваться.